

# АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ОСТРОВ КОШМАРОВ

ПЯТАЯ  
КНИГА  
ПОПУЛЯРНОГО  
КНИЖНОГО СЕРИАЛА  
«ОСТРОВ  
КОШМАРОВ»

КОПЬЯ И ПУЛЕМЕТЫ



Как Англия стала крупнейшим в мире  
хищником и колонизатором

Бушков. Непознанное

Александр Бушков  
**Копья и пулеметы**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Бушков А. А.**

Копья и пулеметы / А. А. Бушков — «Эксмо», 2021 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-04-116704-2

Когда вы вдруг задаетесь вопросом, почему одна страна богатая, а вторая не очень, всегда обращайтесь к истории. Англия сегодня – очень богатая страна. И можно без всякого преувеличения сказать, что капитал был воздвигнут на костях и крови. Промышленная держава номер один, словно на питательном растворе, выросла на десятках миллионов (именно так!) трупов индийцев. А ведь могла остаться третьеразрядной европейской державой при другом обороте дела, если бы не поднялась на награбленных миллиардах золотых и на миллионах трупов. «Равнины Индии белеют костями ткачей», – передавал в 1834 г. британский генерал-губернатор лорд Уильям Бентинк в Лондон. Из Большой Истории не вычеркнуть этих слов, как бы старательно многие на Острове кошмаров ни пытались их забыть...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116704-2

© Бушков А. А., 2021  
© Эксмо, 2021

## Содержание

Умное слово от автора	6
Воронья ночь	7
Ухуру!	20
Заклятые союзнички и Большая Игра	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

# Александр Александрович Бушков

## Копья и пулеметы

*Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное.*

*Адольф Гитлер*

*Как Англия стала крупнейшим в мире хищником и колонизатором*

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

## Умное слово от автора

В этой книге, как и в предыдущей, я вновь не собираюсь соблюдать четкую хронологию, буду объединять в одну главу рассказы о событиях, длившихся порой десятилетиями. Тому есть веские причины. Прежде исторические события были, позвольте уж щегольнуть ученым словом, дискретными. Выражаясь проще, являли собою этакий пунктир. Мятеж, через пару лет – финансовый кризис, еще через годик – очередная война, или казнь вышедшего из милости фаворита, или что-нибудь еще.

В XIX в. уже обстояло иначе. Иные общественные процессы растягивались на долгие годы. К примеру, прекращавшаяся редко и ненадолго борьба английских трудящихся за свои права (в том числе и избирательное) растянулась почти на сорок лет. Так что, по-моему, нет смысла дробить рассказ о ней на отдельные главки, лучше объединить в одну. Точно так же обстоит и со многими другими событиями, так что я порой буду совершать временные скачки в лучшем стиле героев фантастики, путешественников во времени. Надеюсь, читатель не будет в претензии.

## Воронья ночь

Итак, стоял 1801 год – первый год нового столетия. В последние лет тридцать как-то незаметно возникло, широко распространилось и глубоко укоренилось мнение, что первый год всякого столетия – «нулевой». Наступление двадцать первого столетия с превеликой помпой праздновали по всему миру 1 января 2000 г. Хотя до двадцать первого столетия оставался еще ровно год. Люди как-то подзабыли об элементарной арифметике. Век – это сто лет. То есть 1, 2, 3... 98, 99, 100. Так что первый год нового столетия всегда и есть первый. Но это так, к слову.

Мы отправимся не в Англию, а в Россию – потому что случившиеся там в начале марта первого года столетия трагические события связаны как раз с той самой английской «незримой рукой», о которой говорил еще Робеспьер, – правда, так и не определив ее национальную принадлежность. В нашем случае это сделать гораздо проще...

К тому времени вот уже десять лет в Англии правила бал откровенная русофобия. Хотя... Я неточно выразился. «Фобия» подразумевает эмоции. Они и здесь, понятно, присутствовали в некоторой степени, но главную роль играл холодный политический расчет. Великая Британия всерьез опасалась растущего русского влияния – и того, что Россия (как впоследствии и оказалось) может продвинуться ближе к «жемчужине в короне» – Индии. Премьер-министр Англии Уильям Питт-младший в словах не стеснялся и говорил то, что думал, не за закрытыми дверями, а на публике.

«Высокомерие русского кабинета становится нестерпимым для европейцев. За падением Очакова видны цели русской политики на Босфоре: русские скоро выйдут к Нилу, чтобы занять Египет. Будем же помнить: ворота на Индию ими уже открыты».

Именно тогда зародился страх англичан за Индию, временами принимавший характер прямо-таки мании, который будет сохраняться все время существования Российской империи, да и с приходом Советской власти несколько не ослабнет, скорее усилится.

Я уже упоминал об английском ультиматуме с требованием передать Очаков Турции и замышлявшимся англичанами морским походом на Балтику. Этот поход не был пустым проектом: вполне серьезно снаряжалась эскадра почти в сотню вымпелов. А перед тем, как этот ультиматум отослать в Санкт-Петербург, англичане попытались подпрячь к нему и Пруссию, однако Берлин вежливо, но твердо участвовать в этом предприятии отказался: стояла весна 1791 г., угроза вторжений Наполеона была вполне реальна (она и последовала), и Россия виделась Пруссии не противником, а военным союзником в борьбе с французами (как впоследствии и произошло).

Вот только на войну требовалось согласие парламентского большинства... Питт гремел с высокой трибуны:

– Мы не только превратим Петербург в жалкие развалины, но сожжем и верфи Архангельска, наши эскадры настигнут русские корабли даже в укрытиях Севастополя! И пусть русские плавают потом на плотках, как первобытные дикари.

Все его громокипящее ораторское искусство пропало даром. Политические противники, либералы-виги, проект провалили, и большинства голосов он не получил. Либерализм тут был совершенно ни при чем: просто виги заглядывали в будущее гораздо дальше Питта и гораздо лучше просчитывали возможные варианты развития событий. Победы Англии над Наполеоном были делом будущего – а в тот период война шла для англичан довольно неудачно. Французский флот, еще не разбитый наголову под Трафальгаром (это произойдет только в 1805 г.), был пока силен, и существовала серьезная опасность, что Наполеон попытается высадиться в Англии. Вот те, кто просчитывал ходы на политической шахматной доске искуснее твердолобого Питта, и решили, что с Россией следует не воевать, а наоборот, использовать ее как союзника в войне с Наполеоном...

Начало марта 1801-го. На русском престоле – Павел Первый, человек с прямо-таки трагической посмертной судьбой, как и его отец Петр Третий, жертва очередной «черной легенды». С давних пор укоренилось мнение (в последнее время начавшееся понемногу меняться), что Павел был сумасшедшим на всю голову. Один из авторов употребил восхитительное определение: «полубезумный император». Это уже перебор, двадцать два, туз к одиннадцати. Человек либо безумен, либо нет. Говорить о ком-то «полубезумен» так же смешно и нелепо, как сказать о женщине «полубеременная».

Автор этого определения – не врач, а писатель. Однако версию о сумасшествии Павла поддерживали и иные психиатры, порой весьма именитые.

Только после некоторых реформ 1905 г. стало вообще возможно писать, что Павел (и его отец) были убиты. До этого в энциклопедиях употреблялись лишь уклончивые обороты: «скоропостижно умер», «погиб», «внезапная кончина». И вообще, писать о нем было примерно то же самое, что, скажем, в СССР при Брежневе издавать обширную биографию Троицкого.

После «оттепели» 1905 г. видный психиатр П. Ковалевский (к стыду моему, мой родственник, хорошо еще, что дальний-предальний, седьмая вода на киселе, нашему слесарю двоюродный забор) выпустил выдержавшую потом восемь изданий книгу о Павле, где бестрепетной рукой поставил диагноз: «дегенерат второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования».

Правда, свою книгу выпустил и не менее видный психиатр профессор В.Ф. Чиж, державшийся противоположного мнения: «Павла нельзя считать маньяком», «не страдал душевной болезнью», «был психически здоровым человеком». Многозначительная деталь: Чиж, прежде чем написать свою книгу, много времени провел в архивах, изучая материалы о жизни и деятельности Павла. А Ковалевский главным образом ссылаясь на злые анекдоты вроде печальной истории о пехотном полке, якобы прямо с учений отправленном Павлом в Сибирь (вымысел чистой воды). Однако как-то так получилось, что версия Ковалевского стала не в пример более популярной...

И не только в России. Еще году в девяностом (вот было времечко), когда существовали целые магазины иностранной литературы, я купил книгу одного из виднейших чешских неврологов, профессора Ивана Лесны, название которой я лично перевел так: «О немощах могущих». Увлекательнейшее чтение о всевозможных душевных болезнях известных европейских монархов. Была там глава и о Павле Первом. Совершенно в стиле Ковалевского: «мegalомания», «явственные признаки невроза навязчивости», «параноидальные черты характера». Причем, как и Ковалевский, Лесны в виде аргументов приводит исключительно те самые злобные анекдоты, сплетни и вымыслы. А порой откровенно нелогичен. Одним из признаков душевной болезни Павла Лесны считал «постоянный страх Павла, что его постигнет судьба отца». Но страх-то этот оказался отнюдь не беспочвенным: Павел и в самом деле повторил судьбу отца, точно так же был убит заговорщиками! (К слову, когда через несколько лет вышел русский перевод книги Лесны, главы о Павле там почему-то не оказалось. Быть может, переводчик или редактор придерживались версии Чижа?)

Безусловно, Павел был взбалмошным и эксцентричным. Но далеко не он один. Если вспомнить, как долго и увлеченно чудесил великий наш полководец Суворов... Петухом кричал на публике, прыгал через стулья. Получив однажды приглашение богатого помещика у него обедать, решил подкормить подтощавшую свою кавалерию (с фуражом почему-то обстояло скверно). И приехал в гости в коляске, запряженной цугом (то есть гуськом) сотней лошадей. Помещик не мог не соблюсти обычай того времени, по которому лошадей гостя полагалось хорошенько накормить. А однажды Суворов велел венчать одним махом пар двадцать своих крепостных. О согласии женихов и невест и речи не шло: Суворов попросту распределил пары так, чтобы они подходили друг другу по росту, и велел строем шагать в церковь. Однако никто

и никогда не приписывал Суворову ни малейших психических отклонений – чудаковат-с, эксцентричный джентльмен, как в таких случаях говорят англичане.

«Все знают», что однажды Павел из чистого самодурства наложил на Суворова опалу и велел ему отправиться в ссылку в принадлежавшее полководцу село Кончанское. Это один из наиболее часто приводившихся примеров «тиранства», «деспотизма» и «самодурства» Павла. А вот архивный документ, подлинный приказ императора, объясняющий причины опалы и ссылки: «вопреки высочайше изданного устава генералиссимус князь Италийский имел при корпусе своем дежурного генерала, что и делается на замечание всей армии». Иными словами, Суворов нарушил воинский устав, чего Павел не простил никому, от рядового до генералиссимуса.

И обратный пример, не анекдот, а реальный случай (были свидетели). Проезжая с несколькими придворными по Петербургу, Павел усмотрел зорким глазом, что стоявший на часах офицер вдребезину пьян. Остановив коляску, заявил, что арестовывает проказника и велит ему немедленно отправляться на гауптвахту. Однако brave вояка, заметно отклоняясь от вертикали, запротестовал:

– Никак невозможно, ваше величество.

Павел скорее изумился, чем разозлился:

– Невозможно?! Мне, императору?!

– Никак невозможно, – повторил офицер. – Согласно утвержденному вами воинскому уставу, прежде чем меня арестовать, вы обязаны по всем правилам снять меня с поста, а этого не сделано...

Не особенно и раздумывая, Павел распорядился:

– Оставьте его в покое. Он пьяный лучше нас трезвых уставы знает... Поехали.

А если серьезно... За свое недолгое царствование Павел сделал немало полезного (пусть не всегда продуманно, чуточку хаотично). Однажды я об этом уже писал подробно, поэтому главные свершения «безумца» изложу кратко.

Павел отменил петровский закон о престолонаследии, по которому самодержец сам выбирал себе наследника, и ввел стройную систему, просуществовавшую практически без изменений до революции. Снял с крестьян недоимку в семь с лишним миллионов рублей, а ущерб для бюджета возместил за счет новых обложений, касавшихся исключительно дворян. Запретил продавать крестьян без земли, ограничил барщину до трех дней в неделю. Отменил рекрутский набор. Еще запретил привлекать крестьян к работе на барина в воскресные и праздничные дни. Свидетель тех дней, немецкий писатель и русский разведчик Коцебу писал: «Народ был счастлив. Его никто не притеснял. Вельможи не смели обращаться с ним с обычной надменностью. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости, поэтому страх внушал им человеколюбие. Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 имели повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это». Свидетельство тем более ценное, что у Коцебу были причины обижаться на Павла – он в свое время по приказу Павла побывал в сибирской ссылке.

Прусский посланник Брюль в одном из донесений писал, что императором «недовольны все, кроме городской черни и крестьян». То есть кроме подавляющего большинства населения. «Простой народ даже любил Павла» – это декабрист Фонвизин.

Недовольно было исключительно «благородное сословие». И в первую очередь – господа гвардия. В отношении гвардейцев Павел «самодурствовал» и «тиранствовал» вовсе: выслал из Москвы множество офицеров, которые вместо того чтобы находиться при своих полках, годами бездельничали в Первопрестольной, тешась винишком и картами. Запретил офицерам в служебное время расхаживать по столице в штатском платье и богатых шубах. Мало того, как вспоминает уже знакомый нам Болотов, «всех гвардейцев не только познакомил с настоящей службою, но и заставил нести и самую строгую и тяжкую, и, позабыв все прежние свои шало-

сти и дури, привыкать к трудолюбию, порядку, добропорядочному поведению, повиновению команде и почтению себя старейшим и к несению прямой службы». Другими словами, – от военных теперь требовалось жить по уставу и служить как положено. Для гвардейцев это было как нож острый.

В России с некоторых пор повелось, что нелюбовь гвардейцев к императору порой смертельно для императора опасна. Однако при любом накале возмущения заговоры против самодержца не возникают автоматически. Необходимы авторитетные, высокопоставленные вожаки – иначе любой накал возмущения сведется к ворчанью и ругани за дюжиной шампанского.

Вожак нашлись весьма даже высокопоставленные и авторитетные: граф Платон Зубов, фаворит Екатерины в последние годы ее жизни, осыпанный императрицей феерическим дождем из званий, титулов, орденов и земель с крестьянами. При Павле – инспектор русской артиллерии, персоне в армии немаленькая. Его младший брат Валерьян, на пару с братом – фаворит Екатерины в последние годы ее жизни. Правда, при Павле был всего-навсего директором одного из кадетских корпусов, но, граф и генерал-майор, обладал огромными связями в высшем обществе. Граф Пален, генерал-губернатор Петербурга. Были еще несколько титулованных и знатных, в чинах, придворных званиях и орденах – но это фигуры второго плана, статисты, не заслуживающие поименного перечисления. Всем им перепало немало английского золота от британского посла лорда Уинтворта – через его любовницу Ольгу Жеребцову, в девичестве Зубову, сестру Платона и Валерьяна. А за главарями стояла немалая кофла сплоченного общим интересом русского дворянства.

В чем общий интерес и почему английское золото?

Разрушив прежние политические расклады, Павел решительно взял курс на сближение с Наполеоном Бонапартом. Наполеон, решив взять Англию не штыком, а «на измор» (что в отношении страны-острова даже легче), ввел так называемую континентальную блокаду, запретив кораблям любых стран ввозить в Англию любые товары, особенно продовольствие. Конечно, полной блокады установить не удалось, контрабанда оживилась, но все равно число плававших в Англию кораблей упало резко.

Павел к этой блокаде присоединился, запретив русским кораблям возить что бы то ни было в Англию, и арестовал немалое число английских кораблей, на свою беду оказавшихся в это время в русских портах.

Вот это и объединило против него немалое число русского дворянства. Множество помещиков (и помянутые титулованные господа) большую часть произведенного в своих поместьях сбывали в Англию. В первую очередь – сосну, лён, смолу и пеньку, немало и зерна. Первые четыре позиции – без преувеличений товары стратегические, имевшие огромное значение в первую очередь для британского военно-морского флота. Сосна – это мачты. Лён – в составе парусины. (Впрочем, и парусину сбывали тоже. В 1809 г., купив для знаменитой экспедиции в Калифорнию английский корабль, переименованный впоследствии в «Юнону», русские не без удивления обнаружили на его парусах клейма русских производителей.) Смола нужна в большом количестве, чтобы регулярно конопатить корабли. Пенька, получаемая из конопли, шла на корабельный такелаж, то есть канаты и веревки. Таким образом, Англия лишалась в одночасье стратегических товаров, а русские благородные господа несли огромные убытки. Как говорится, ничего личного – экономика чистейшей воды. Тот же декабрист Фонвизин писал, что разрыв с Англией «наносил неизъясненный вред нашей заграничной торговле. Англия снабжала нас произведениями и мануфактурными, и колониальными за сырыя произведения нашей почвы. Дворянство было обеспечено в верном получении доходов со своих поместьев, отпуская за море хлеб, корабельные леса, мачты, сало, пеньку, лён и пр. Разрыв с Англией, нарушая материальное благополучие дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу. Мысль извести Павла каким бы то ни было способом сделалась почти всеобщей».

Как видим, Россия стала классическим сырьевым придатком – сырье в обмен на промышленные товары. Откровенно кривит душой Фонвизин: «неизъясненный вред» участие России в континентальной блокаде приносило не государству, а исключительно тем благородным господам, что гнали сырье в Англию.

Когда в ночь перед выступлением заговорщики собрались на ужин с шампанским, не кто иной, как Валерьян Зубов толкнул речь про «безрассудность разрыва с Англией, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ее экономическое благосостояние».

Да, пришел новый век, и заговорщики были новейшей формации, уж ничуть не похожие на тех, что возводили на престол Елизавету и Екатерину! Уж если даже не блиставший умом Валерьян Зубов знал и мог без запинки выговорить слово «экономические»...

Положение осложнялось еще и тем, что на многих высоких постах сидели персонажи, лично для себя выгоды от торговли с Англией сырьем не получавшие, но бывшие откровенными англоманами. В первую очередь – русский посол в Великой Британии граф Семен Воронцов, которого лорд Уинтворт вполне серьезно называл «англичанином» – граф настолько был по уши в англофильстве, что даже кухню предпочитал исключительно английскую. Вот его взгляд на Францию: «Французы созрели для свободы не более американских негров. Франция как будто укушена бешеной собакой. Я возмущен теми ужасами, которые совершаются отвратительной французской нацией». А вот взгляд на внешнюю политику на Кавказе: «Зачем Россия ввязывается в конфликты в Закавказье, за непроходимыми ущельями? Я не понимаю, какой может быть интерес в том, чтобы поддерживать этих грузин».

Пользу или вред приносил России такой вот посол? Каждый вправе судить сам. Эти строки взяты из письма Воронцова брату Александру – тоже персонажу крайне своеобразных взглядов. Став после убийства Павла руководителем Особого комитета по развитию русского флота, он принялся утверждать, что морской флот России не нужен: «В том ни надобности, ни пользы не предвидится». Это написано после блестящих побед адмирала Ушакова в Средиземном море над турками... Хорошо еще, что военно-морским министром, или «министром морских дел», как он тогда звался, был знаток своего дела и патриот адмирал Мордвинов, придерживавшийся совершенно противоположных взглядов, так что угробить флот не давал.

А в общем, оба братца мне страшно напоминают иных перестройщиков безвозвратно ушедших лет, с пеной у рта оравших на митингах, что армию следует сократить до минимума, а органы госбезопасности, в первую очередь разведку и контрразведку, упразднить вообще. Аргументы у них были простые, как мычание: ну кто же теперь нападет-то на новую демократическую Россию? Кто будет против нее шпионить?

Как уже говорилось, разрыв России с Англией означал тяжелые времена для «жизненных интересов и экономического благосостояния» отнюдь не России, а кучки бар, изрядно наживавшихся на торговле с Англией. И плевать им было и на жизненные интересы родины, и на ее экономическое благосостояние – лишь бы в их собственные карманы лилось английское золото.

Примерно так же – полностью пренебрегая интересами родной страны – вели себя русские помещики до 1861 г. Нет, они не торговали с Англией (по крайней мере, далеко не все). Они просто вывозили доходы от своих имений за границу, благо не существовало законов, запрещавших бы это делать. И жили за границей годами, проматывая целые состояния в вихре светских развлечений блестящего Парижа, на курортах Ниццы, в игорных домах Монако и других крайне приятных для них местах. Не ручеек, а могучий поток русского золота стремился из России.

И после отмены крепостного права мало что изменилось – только теперь господа помещики проматывали за границей не только доходы с имений (оставшихся при них), а еще и выкупные платежи – компенсации, полученные ими за то, что они лишились своих белых рабов...

Но вернемся во времена Павла. Итак, возникла кучка недовольных прекращением торговли с Англией. Это была именно что кучка – ну, сколько их могло быть всего? Несколько тысяч. Однако среди них оказались перечисленные выше богатеи и вельможи, что было для императора крайне опасно. Смертельно опасно, как вскоре выяснилось....

Имелось еще одно обстоятельство, беспокоившее англичан неизмеримо более, чем прекратившийся поток сырья из России... На сей раз речь шла о самом существовании Британской империи, не больше и не меньше...

Еще в 1800 г. был заключен союз четырех держав – Франции, России, Швеции и Дании, к которому вскоре присоединилась и Пруссия. Это были не проекты или «договоры о намерениях» – продуманные соглашения, подписанные на высшем уровне. Цель союза – полный военный разгром Англии (в нем были заинтересованы все пять держав) и Турции (тут главный интерес был у России и Франции).

Вот это уже было крайне серьезно и на утопию ничуть не походило. Объединенные флоты пяти держав могли успешно противостоять английскому и на Балтике, и в Средиземноморье, и в омывающих Англию морях. Ну а на суше, на континенте, у Англии, что прекрасно там понимали, не было ни единого шанса на победу.

Как всегда водилось в таких случаях, участники антианглийской коалиции преследовали собственные выгоды. Франция рассчитывала получить Египет. Наполеон уже высаживался там однажды, разбил войска местного правителя, но развить успех и закрепиться не смог – египетское побережье блокировал английский флот, так что у французов не было возможности получить ни подкрепления, ни боеприпасы – да что бы то ни было. Тогда Наполеон совершил поступок, безусловно, его не красящий: бросил свою армию и, на небольшом суденышке проскользнув в тумане мимо английских фрегатов, вернулся во Францию. Оставшаяся без главнокомандующего и какой бы то ни было помощи армия продержалась с год, а потом поневоле была вынуждена сдаться англичанам. Теперь Наполеон собирался взять реванш за прошлый, что там, позор.

(Я нигде не нашел упоминаний об этом, но убежден, что Наполеон собирался вернуть и Канаду – очень уж логичный и легко предсказуемый шаг.)

Пруссия собиралась взять себе Ганновер, а также Падерборн (архиепископство в составе Священной Римской империи) и Мюнстер (главный город провинции Вестфалия).

Швеция и Дания рассчитывали принять участие в дележе ставших бы «бесхозными» после разгрома Англии ее колоний.

Ну а что же Россия? А Россия тоже преследовала насквозь практические цели, вовсе не собираясь, как это было в Семилетнюю войну, бесцельно проливать кровь русских солдат за чужие интересы. Павел действовал, как жесткий прагматик. Цели России подробно изложил в обширном меморандуме глава Коллегии иностранных дел граф Ростопчин, человек серьезный, которого никто из писавших о нем впоследствии никогда не называл не то что «безумцем», но даже «пустым прожектером».

По проекту Ростопчина после разгрома Турции следовало забрать у нее и присоединить к России Константинополь, Болгарию, Румынию и Молдову (тогдашняя Молдавия состояла из двух обособленных половинок – Молдовы и Валахии). А также образовать Греческую республику под протекторатом всех союзных держав, а потом прямо «перевести» ее под российский скипетр (Павел написал на полях, что «перевести можно и сразу, без возни с протекторатом»).

Кроме того, Ростопчин предлагал привлечь к военным действиям против Турции и Австрию, взамен гарантировав, что она получит Сербию, Боснию и Валахию. Снова никакой утопии – Австрия давно зарилась на эти земли и вполне могла принять русское предложение, сулившее реальные выгоды.

Словом, все разворачивалось крайне серьезно. Павел отозвал из Лондона англофила и англomана Воронцова, которого один из современных авторов назвал «английским послом в Англии», – что означало разрыв дипломатических отношений вдобавок к торговым.

Единственное, что могла сделать в этих условиях Англия, – пугнуть Данию, чтобы оторвать от коалиции хотя бы одного члена. Что и было проделано со свойственной британцам бесцеремонностью и в полном соответствии со старинными традициями...

Меж Данией и Швецией не было состояния войны. Однако в начале 1801 г. на рейде Копенгагена объявилась эскадра адмирала Нельсона и без всякого предупреждения начала многочасовой обстрел датской столицы. Было выпущено 25 000 ракет (да, вот именно ракет) и неизвестное, но безусловно немаленькое число ядер и бомб. В Копенгагене погибли примерно две тысячи человек.

Сначала датчане сопротивлялись, но были вынуждены прекратить огонь, получив сохранившееся до нашего времени циничное послание Нельсона: «Лорд Нельсон имеет указание пощадить Данию, если она не будет далее оказывать сопротивление, но если датская сторона будет продолжать вести огонь, лорд Нельсон будет вынужден сжечь все ее плавучие батареи, которые были им захвачены, не имея возможности спасти храбрых датчан, защищавших эти батареи».

Иными словами, англичане совершили еще одно гнусное изобретение – захват заложников с угрозой их уничтожения в случае непринятия требований. Именно изобретение – прежде такое в Европе не случалось... Захват заложников в XX веке был признан военным преступлением, за что после Нюрнберга не один немец угодил на виселицу, но это случилось гораздо позже...

Действия Нельсона были несомненным пиратством с точки зрения уже неплохо проработанного тогда морского права. Однако на родине Нельсона встречали как триумфатора, устроив в его честь салют из всех орудий Тауэра и очень быстро удостоив титула виконта. Казалось, вернулись елизаветинские времена, когда за подобные удачные, насквозь пиратские рейды «морских собак» жаловали дворянством и титулами.

(Сам Нельсон был чуточку разочарован – он рассчитывал получить еще и один из высших орденов. Однако времена все-таки стояли не елизаветинские, и британское правительство решило соблюсти хоть какой-то минимум приличий и не демонстрировать чересчур уж сильно одобрение откровенно пиратской акции. Впрочем, Нельсон не был так уж безутошен: виконт – тоже неплохо...)

После столь жестокого урока Дания и в самом деле присмирела. Пруссия со Швецией никаких действий предпринять попросту не успели. А вот Россия и Франция пошли дальше остальных членов коалиции, спланировав совместный удар по Индии. Павел называл ее «самым чувствительным местом» англичан, Наполеон придерживался того же мнения.

Все уже было четко проработано: русский казачий корпус должен был вторгнуться в Индию, пройдя Оренбург, Хиву и Герат (афганцы, не питавшие к англичанам ни малейшей симпатии, пропустили бы казаков. А впрочем, их согласия могли и не спросить – Афганистан тогда раздирали внутренние распри, страна пребывала в хаосе, а у русских казачков не забалуешь).

Одновременно французский корпус пехоты должен был войти в Индию с другой стороны – через Персию. Что тоже удалось бы легко – даже вздумай персы этому противиться, не им было бы связываться с Наполеоном – порвал бы, как Тузик грелку...

Хулители Павла впоследствии объявили и этот план Павла «безумным», как-то позабыв, что в нем должен был участвовать и Наполеон, а уж Бонапарта обвиняли во многом (иногда справедливо, иногда и нет), но вот о его безумии или хотя бы легоньком психическом расстройстве никто ни разу не заикался...

Слова у Павла с делом не расходились – уже в конце февраля – начале марта походным маршем на Хиву выступил казачий корпус (по одним источникам – двадцать две с половиной тысячи человек, по другим – все сорок). Правда, некоторые историки (в том числе такой видный, как академик Тарле) полагают, что корпус должен был не вступать в Индию, а ограничиться демонстрацией силы, расположившись на хивинско-афганской или афганско-индийской границах. Но истину нам уже никогда не узнать – Павел отдал все распоряжения командиру корпуса устно, и не сохранилось никаких письменных планов действий, так что твердых доказательств нет.

Одновременно Павел приготовил удар и на море – стоявшая на Камчатке русская эскадра заблаговременно получила соответствующий приказ и в любой момент готова была сняться с якоря, чтобы перерезать морские коммуникации, по которым ходили ведущие торговлю с Китаем британские корабли. Ну а французский контингент уже ждал посадки на суда. Как видим, за Англию готовились взяться всерьез.

Предприятие было слишком масштабное, чтобы удержать его в тайне, английские разведчики и в России, и во Франции наверняка уже о нем пронюхали заранее, но единственное, что в этих условиях смогла сделать Англия, – это направить на Балтику эскадру адмирала Нельсона. Чтобы он повторил в Кронштадте то, что проделал парой месяцев раньше в Копенгагене (войны России при этом Великая Британия официально не объявляла).

Можно со всей уверенностью утверждать: даже если бы казачий корпус и в самом деле ограничился бы демонстрацией силы, встав на границе (чем обязательно отвлек бы на себя часть войск Компании, а в Индию вторгся бы только французский контингент, шансы на победу были бы стопроцентные. Во-первых, к тому времени англичане еще не завершили завоевание всей Индии. На северо-западе Индостана оставались независимыми несколько княжеств. Их правители должны были прекрасно понимать, что со временем очередь дойдет и до них и Англия постарается их заглотить, как удав заглатывает крупную жертву (как оно потом и произошло). Их войска наверняка выступили бы против англичан. Во-вторых, в тот год в Индии еще здравствовало немало людей, помнивших французов, и уж они-то прекрасно помнили и могли рассказать другим, что французы никогда не зверствовали и не грабили так, как англичане, – ничего даже отдаленно похожего. Индия наверняка бы полыхнула повсеместными мятежами – и в первую очередь, думается мне, некогда процветавшие, а потом превращенные в царство нищеты провинции Майсур, Адума, Бенгалия. Вряд ли в Бенгалии к тому времени забыли пять миллионов жертв организованного англичанами голодомора. Тех, у кого отобрали землю и давили непосильными налогами, было слишком много, а сипаев по сравнению с ними ничтожно мало. Превосходство в оружии никакого перевеса солдатам ЧВК «Ост-Индская компания» не давало – сипай с заряжавшимся с дула ружьем недолго продержался бы против нескольких десятков крестьян, пусть вооруженных лишь вилами и кольями... И, в-третьих, еще не известно, как повели бы себя сами сипаи, какая их часть дралась на стороне своей ЧВК, а какая перешла бы к противнику. Как позже показало сипайское восстание 1857–1858 гг. (подробный рассказ о котором впереди, в этой же книге), сипаи отнюдь не хранили слепую верность белым сахибам...

Недавно у одного из современных отечественных авторов мне попала интересная критика казачьего похода. Автор этот не принадлежит к сторонникам «черной» легенды о Павле (за что ему безусловный респект). Наоборот, пребывает среди тех, кто считает Павла вполне вменяемым, толковым и деловитым. Повод для критики у него свой, достаточно оригинальный, заслуживающий рассмотрения. Он считает этот поход бесполезной затеей оттого, что, по его мнению, даже в случае полной победы индийские княжества, религиозные убеждения которых резко расходились с православием, все равно не стали бы союзниками России.

Возражения против такой точки зрения найти легко. Во-первых, часть этих княжеств была мусульманской, а уж с мусульманами Россия испокон веков находила без труда общий

язык и не раз вступала в союзы. Во-вторых... А так ли уж было нужно иметь индийские княжества союзниками. Важно, что противниками они никак не могли бы стать по чисто географическим причинам. И еще важнее то, что вышвырнутые из Индии англичане лишились бы огромных доходов, которые ничем не смогли бы компенсировать. Я уже приводил цифры в предыдущей книге, но сейчас повторюсь: в 1765–1815 гг. Англия выкачала из Индии миллиард фунтов стерлингов в золотом исчислении – и это только за счет земельного налога «дивани», а ведь были и другие доходы от грабежа. Эти деньги и стали источником, питавшим промышленную революцию, позволившую Великой Британии на какое-то время и впрямь стать «мастерской мира». Лишившись Индии в 1801 г., англичане лишились бы и значительной части этих средств, иссяк бы источник, питавший промышленную революцию, и она непременно увяла бы на серединке, когда еще не началось широкое железнодорожное строительство, не начали производить в немалом количестве паровозы и пароходы – а ведь все это тоже оплачивалось индийским золотом... Как дальше развивалась бы мировая история при отсутствии в ней Британской империи, можно только гадать (благоприятнейший материал для фантастов, пишущих «альтернативную историю», просто удивительно, как никто до сих пор не использовал этот интереснейший сюжет) – но, безусловно, совсем иначе.

Но в ночь с 10 на 11 марта к Михайловскому замку двинулся немаленький отряд заговорщиков...

Если бы этой ночи понадобилось подобрать название, удачнее всего было бы назвать ее Вороньей. Заговорщики вспугнули ворон, устроившихся на ночлег на окрестных деревьях, – и огромная стая внезапно взмыла в ночное небо с шумным карканьем. Многих это напугало, они и без того отчаянно трусили, но энергичный главарь граф Пален буквально погнал всех к замку.

Обстоятельства убийства Павла подробно описаны превеликое множество раз, так что в этой части буду краток. Потом заговорщики говорили, что убивать не хотели, намеревались лишь принудить подписать акт об отречении в пользу наследника Александра. Однако как-то так получилось, что в дело пошли и офицерский шарф князя Яшвиля, и массивная золотая табакерка, которую кто-то (так и останется точно не выясненным, кто именно) схватил со стола и проломил ею императору висок. Наследник Александр с честнейшими глазами уверял потом, что вообще ничего о заговоре не знал – однако собственные подельники, ничуть не стеснясь, закладывали его на публике. Пален оставил подробные записки, в том числе и о том, как вовлекал молодого великого князя в заговор, а потом тот уже сам вовлекал других. Из воспоминаний декабриста Муравьева-Апостола: «В 1820 г. Аргамаков в Москве, в Английском клубе, не стеснясь многочисленным обществом, говорил, что он сначала отказался от предложения вступить в заговор против Павла, но великий Князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал его за это и просил не за себя, а за Россию вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться».

Английский клуб – клуб для элиты, высшей знати. Аргамаков – адъютант Павла. Муравьев-Апостол по своему положению в обществе был завсегдаем Английского клуба и описывает сцены, при которых присутствовал сам...

Эскадра Нельсона, узнав о происшедшем в Петербурге, повернула назад. Но гораздо важнее, интереснее, многозначительнее другое: буквально на следующий день после убийства отца Александр Первый (еще не коронованный, но уже законный император) одним из своих первых указов упразднил созданную Павлом ликвидационную контору – организацию, которая должна была обеспечить полное прекращение английской торговли в России), снял арест с английских кораблей и английского имущества в русских портах, вернул английским купцам все их прежние торговые привилегии. Вскоре и дипломатические отношения между двумя империями были восстановлены в полном объеме.

Что меня заставляет брезгливо морщиться – так это то, что «властитель слабый и лукавый», как презрительно отозвался об Александре Первом Пушкин, проделал все это совершенно бесплатно. Те, что старательно отработали английское золото, по крайней мере, старались за что-то материальное, добросовестно – если только тут уместно это слово – поработав наемными убийцами.

Вот, кстати, об английских деньгах. С откровенным злорадством должен уточнить, что часть их убийцы недополучили. Причем отнюдь не по вине англичан – у тех была привычка до копеечки расплачиваться с теми, кто делал для них невозможную грязную работу. Уже после убийства Павла англичане передали заговорщикам два миллиона рублей, но известная читателю Ольга Жеребцова их беззастенчиво присвоила. Хитрая красотка была наверняка: заговорщики никак не могли пойти в суд или к властям и пожаловаться: помогите, нам тут англичане должны были заплатить еще два мильёна за убийство государя императора Павла, а эта стерва Олька Жеребцова их себе захапала... Ну а подсылать в таких случаях «братков» было в те времена как-то не принято. Так что заговорщикам оставалось лишь в бессильной злобе материться...

Источник надежнейший – В.И. Лопухин. Из того самого дворянского рода, из которого происходила первая жена Петра Первого Евдокия, действительный тайный советник (штатский генерал) и сенатор, его сестра впоследствии стала женой сына Ольги Жеребцовой. Вращался в самых что ни на есть высших сферах, был человеком предельно информированным.

И в завершение этой грязной истории – не дожидаясь заключительной главы книги, немного мистики. Глава заговора против Павла граф Пален пережил многих своих сообщников, в том числе и Александра Первого (хотя был гораздо старше его годами). Умер только в 1826 г., успев застать и декабристский мятеж. Княгиня Д.Х. Ливен, современница событий, оставила интересные воспоминания об одной из привычек графа: «Пален закончил существование в одиночестве и в полном забвении. Он совершенно не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опаматоваться не раньше следующего дня».

Если это правда (а я отнюдь не записной мистик, но безусловно не материалист), полагаю, что подобная привычка (сохранившаяся у Палена четверть века, до самой его смерти) возникла не на пустом месте. Надо полагать, в первую годовщину убийства к Палену бесшумной тенью пришел гость – и с тех пор граф уже не мог оставаться в ясном сознании каждую Воронью ночь. А судя по фразе «он совершенно не выносил одиночества в своих комнатах», гость приходил не только в роковую годовщину – гораздо чаще...

Теперь мы вернемся в Англию – уже окончательно. В 1802 г. там в рамках развития гуманизма произошло знаковое, выражаясь современным языком, событие: с Лондонского моста убрали железные колья, на которых вплоть до этого времени торчали головы казненных. Что примечательно, против этого громче всего протестовали не какие-то тупые лавочники, а интеллектуалы высокой пробы – Сэмюэль Джонсон и его биограф доктор Босуэл. «Высоколобые» полагали, что такая «наглядная агитация» служит нравоучительным целям и, как сказали бы мы сегодня, профилактике преступлений (в чем оба глубоко и добросовестно заблуждались – во многих странах давно подметили, что наибольшее число карманных краж совершалось в толпе, собравшейся поглазеть на очередную казнь, в том числе и на то, как вешают карманника)...

К слову: в «отсталой и варварской» России колья, на которых выставляли головы и руки казненных, убрали с городских площадей еще в 1729 г. Но все равно по уровню гуманизма мы далеко отстали от цивилизованной Англии (так считают иные отечественные либералы, но убедительно прошу автора этих строк к ним не причислять).

Однако казни за государственную измену происходили и в начале XIX в. в строгом соответствии с процедурой, применявшейся еще лет шестьсот назад. В 1807 г. полковника Дес-

парди и нескольких его друзей казнили по средневековым правилам: подвесили не до смерти, сняли, выпотрошили, отрубили головы, а тела четверговали. Вся их «государственная измена» состояла в том, что они то ли за бутылочкой, то ли в нетрезвом виде вели разговоры, признанные судом «антиправительственными». И только! Не то что заговора не замыслили, но и листовки не собирались печатать...

Только в 1837 г., когда на английский трон взошла юная королева Виктория, убрали с площадей позорные столбы и колодки. Как с явной иронией комментирует написавшая об этом Екатерина Коути, «под ропот горожан, которые недоумевали, что же теперь делать с гнилыми овощами и фруктами». И далее она упоминает, что в некоторых глухих уголках (как случается не в одной Англии) эта процедура еще не один год была в ходу. В корнуольском городке Труро местная газета писала в номере от 4 октября 1844 г.: «В прошлый понедельник мы стали свидетелями омерзительного зрелища: двух старух, печально известных пьяниц, на шесть часов оставили в колодках на Боскавен-стрит перед рыночными воротами. Одна из них спокойно сидела на рассыпанной соломе, подперевшись подушкой, и вязала, не обращая внимания на собравшуюся толпу. Зато вторая старуха, у которой не нашлось подушки и которая вдобавок страдала от болей в ногах, не прекращала рыдать».

Ну что же, смягчение нравов (говорю это без малейшей иронии) налицо: газетчик уже называет подобное зрелище «омерзительным». А четыре года спустя такому же наказанию подвергли уже не старуху, а молодую девицу, некую Элис Мортон, тоже любительницу заглянуть в бутылочку. Чтобы не платить штраф за пьянство, она сбежала из города, но потом неосмотрительно вернулась – и по приказу мэра, явно ретивого борца за трезвость, ее тоже выставили в колодках на всеобщее обозрение на несколько часов. Газеты возмущались и осуждали мэра, но его это, похоже, нисколько не трогало...

(Пользуясь случаем, хочу представить Екатерину Коути тем, кто с ней не знаком. Наша соотечественница, живущая в США. Окончила университет Колорадо по специальности «Английская филология» и магистратуру Техасского университета по специальности «Сравнительная литература». В последние годы я, к некоторому стыду своему, не имел о ней никаких сведений, но еще в 2013 г. она преподавала в американских вузах русский язык и вела популярный блог о викторианской Англии и фольклоре. Автор нескольких интереснейших книг по истории Англии и суевериях Викторианской эпохи. В книге с характерным названием «Недобрая старая Англия» обстоятельно знакомит читателя с «изнанкой жизни» и темными сторонами «оплота парламентской демократии и свобод».)

Правда, в XIX в. уже не применяли распространенную в прошлом столетии разновидность смертной казни, именовавшуюся «подвешиванием в клетке» – пожалуй, самая страшная разновидность английской «вышки». Даже казнь за государственную измену при всем ее зверстве была ограничена во времени и занимала в лучшем случае несколько часов. А эта растягивалась на несколько суток. Человека подвешивали в железной клетке высоко на дереве где-нибудь у большой дороги – видимо, опять-таки в целях «наглядной агитации». Клетка, правда, была не кубическая, как в известном фильме с Рутгером Хауэром «Плоть и кровь», – состояла из железных полос, не сплошных, повторявших очертания человеческого тела и головы. Руки оставались свободными, но пользы казнимому от этого никакой – клетка состояла из толстых, надежно склепанных железных полос. Подвешивали и оставляли так, предоставляя смертнику умирать самому от голода и жажды...

Последний известный мне (опять-таки благодаря Екатерине Коути) случай относится к 1777 г. Известного разбойника Джона Уитфилда за убийство на большой дороге путешественника на обочине такой дороги и подвесили. Дело было в области Камбрия, совсем неподалеку располагалась деревушка Уэзэрелл, и ее жители вынуждены были несколько дней слушать жалобные вопли умиравшего медленной смертью Уитфилда. В конце концов над ним сжалился кучер проезжавшей почтовой кареты. В те времена, когда на дорогах во множестве

шалили лихие люди, кучера почтовых карет и дилижансов (да и кучера карет частных) были поголовно вооружены. Почтарь остановил лошадей и пристрелил бедолагу – на мой взгляд, вполне гуманный поступок.

Не применялось уже в девятнадцатом столетии и сожжение на костре, получившее широкое распространение в веке восемнадцатом – как, впрочем, и в столетия предшествующие. В основном эта казнь применялась к женщинам – тем, кого суд признавал «ведьмами» (к слову, это наказание, пусть и не применявшееся с наступлением XIX в., официальным образом было отменено только после Второй мировой), а также фальшивомонетчиц и мужеубийц. Последних, как правило, обвиняли в так называемой «малой измене». Государственной изменой считалась измена королю в любой форме, например, участие в мятеже, а малой – «убийство лица, которому виновная должна была хранить верность, то есть мужа. С 1702 по 1734 год в лондонском Тайберне, месте, где публично приводились в исполнение разнообразными способами смертные приговоры, были сожжены 10 женщин. Некоторых палач душил перед казнью специальным приспособлением-удавкой, а некоторых – нет. По всей остальной Англии с 1735 по 1789 г. (!) сожгли 32 («по меньшей мере», уточняет Екатерина Коути) фальшивомонетчицы и мужеубийцы.

Только в 1820 г. отменили публичную порку женщин, и лишь гораздо позже мужчин – как считается, весной 1831 г. И только в 1898 г. отменили широко распространенное в английских тюрьмах наказание – «ступальное колесо». Заключалось оно в том, что провинившегося ставили на ступеньку-плицу огромного колеса, похожего на то, что приводило в движение водяную мельницу. Под тяжестью тела плица опускалась, человек, чтобы не сломать ноги, вынужден был прыгнуть на следующую – и прыгал так несколько часов. В каждой тюрьме таких колес имелось несколько. Они ни с чем не были соединены и ничего не приводили в движение – просто наказание такое. А в некоторых тюрьмах это было не наказанием, а повседневной процедурой – каждый заключенный по полчаса в день прыгал на колесе.

Вообще английские тюрьмы славились целой системой бессмысленных наказаний – в одних нужно было десять тысяч раз в день повернуть железный барабан с ручкой и счетчиком, в других – часами перетаскивать с места на место пушечные ядра, вполне вероятно, именно у англичан немецкие нацисты переняли этот метод, когда в некоторых концлагерях заключенные часами бессмысленно перетаскивали с места на место тяжелые камни. (Нацисты вообще многое переняли от англичан, и теорию, и практику, о чем подробный разговор будет в следующей книге.)

В результате у старых тюремных сидельцев, немало времени проводивших в роли белки в колесе, выработывалась особая, специфическая походка, от которой он уже не мог избавиться до конца жизни – мелкий, семенящий, словно бы прыгающий шаг. По этой походке опытный полицейский издали определял, что за субъект перед ним.

На этом основан один из эпизодов увлекательнейшего приключенческого романа Луи Буссенара «Похитители бриллиантов». В Южной Африке бандит Сэм Смит охотится за алмазным кладом – давным-давно спрятанными где-то сокровищами кафрских королей. И идет по следу троих конкурентов, среди которых, он точно знает, находится Джемс Виллис, с которым они когда-то вместе тянули срок. Возле реки он натывается на следы тройцы конкурентов. И сразу определяет, что двое из них принадлежат людям, с «мельничным колесом» не знакомым.

«Третий след, гораздо более мелкий и легкий, очевидно, принадлежал человеку среднего роста (двое других, по следам видно, были сущими верзилами. – А.Б.), который семенил ногами.

– Двое буров, – пробормотал Сэм Смит, снова пускаясь в путь, и прибавил глухим голосом: – И Джемс Виллис.

При этом суровая складка легла у него на лбу.

– Мерзавец! И походочка все та же, что на Трид-Миле».

Трид-Мил – одна из английских тюрем, где, как и во всех прочих, было установлено «мельничное колесо». К слову, в том же 1898 г. были смягчены телесные наказания, но не отменены вовсе. Розги в английских тюрьмах были в ходу и после Второй мировой...

А теперь – рассказ о том, как англичане весьма своеобразно, специфически, на свой лад трактовали понятие ««союзные обязательства». И о том, как родилась Большая Игра...

## Ухуру!

Это слово на одном из африканских языков (конголезцев, что живут в нынешнем Заире), означает «свобода» и широко применялось как лозунг во время борьбы за независимость, выходила и газета с таким названием. Потому вполне годится для этой главы.

В 1807 г. произошло, без всяких преувеличений, историческое событие: английский парламент принял закон об отмене работорговли (но не рабства). Причины один из современных английских авторов излагает крайне благостно, прямо-таки сусальную картинку рисует.

Однажды противники рабства основали Общество по искоренению работорговли. В нем участвовали и англиканцы, но большинство составляли квакеры, большие гуманисты, без дураков. Народ подобрался самый разный, в том числе бывший работорговец Джон Ньютон (должна быть, совесть заела, такое случается и с англичанами), знаменитый поэт Сэмюэль Кольридж. Имелся даже богач – Джозайя Веджвуд, «король гончаров», владелец крупной фабрики по производству знаменитого веджвудского фарфора.

(Вот к слову. Именно он стал причиной того, что Чарльз Дарвин превратился в того Дарвина, которого мы знаем, автора знаменитого труда «Происхождение видов» и теории эволюции – правда, в последние годы ее на Западе подвергают сомнению иные достаточно серьезные ученые по весьма веским причинам: она остается чистой воды умозрительной теорией, не получившей материальных доказательств, – как ни рылись в земле антропологи, никаких дарвиновских «переходных звеньев» не нашли. Подробно я об этом писал в книге «Планета призраков», так что повторяться не буду. Расскажу вкратце – как-никак это тоже часть английской истории.)

Дарвин не стал бы тем, кем стал, без своего знаменитого двухлетнего плавания на корабле «Бигль». На борт корабля он мог и не попасть. Отец считал, что сын разбрасывается – закончил факультет богословия Кембриджа, но становиться священником не собирался, по-любительски занимался биологией, что отцу казалось крайне несерьезным занятием, и он настаивал, чтобы сын приобрел какую-нибудь солидную профессию, приносящую бы постоянный неплохой заработок – например врача. И в плаванье поначалу не отпускал, но потом смягчился, готов был дать согласие, если эту затею одобрит «хоть один благоразумный человек». Таковым и оказался Веджвуд, его дальний родственник...)

Именно на деньги Веджвуда изготовили многие тысячи значков с изображением закованного в цепи чернокожего раба и надписью: «Разве я не человек и твой брат?» Их распространяли бесплатно. Потом в далеком от работорговли Манчестере составили петицию в парламент с требованием отмены работорговли, которую подписали 11 000 человек, две трети мужского населения города. Автор уверяет, будто их требования «правительство не посмело игнорировать».

Ох, держит он своих читателей за лохов... Нет, конечно, он не солгал, все вышеописанное и в самом деле имело место. Однако происходившее полностью отвечало цитате из детективного рассказа Жоржа Сименона: «Судья не солгал, ибо судьи не смеют лгать, он просто не сказал всей правды».

Так и здесь. У противников работорговли единственным богатым человеком был Веджвуд, но его состояние многократно превосходили капиталы ливерпульских работорговцев и плантаторов английских островов в Вест-Индии, в первую очередь Ямайки и Барбадоса, широко применявших для выращивания сахарного тростника рабский труд, и никакой другой. Эта публика успешно пресекала все попытки либералов (тогда еще немногочисленных и слабых) работорговлю запретить.

Что до петиции, нам предлагают поверить, будто правительство испугалось петиции, подписанной 11 000 человек, жителями одного-единственного города. Как писал позже по другому поводу Марк Твен: «Потрясите вашу бабушку, джентльмены! Брюква не растет на дереве».

Вот именно. К тому времени наиболее дальновидные представители британского делового мира стали понимать, что работорговля становится все менее рентабельной и гораздо большую прибыль приносит сельское хозяйство на захваченных к этому времени африканских прибрежных землях. В первую очередь масличные пальмы – пальмовое масло широко использовалось в производстве мыла, а мыло – товар повседневного спроса, расходящийся регулярно большими партиями.

(Яркий пример мы можем наблюдать в наши дни. «Роллс-Ройс» – очень дорогая машина, но круг ее покупателей весьма узок. Неизмеримо большую прибыль получают компании, производящие одноразовые авторучки и зажигалки – товар копеечный, но постоянно расходуется в огромных количествах.)

Так и здесь. Кроме масличных пальм неплохой стабильный доход приносили какао-бобы и другие продовольственные и технические культуры, хорошо продававшиеся в Европе. В одной из колоний к тому же открыли богатые золотые россыпи, за что ее и назвали Золотой Берег.

Были и другие причины запрета работорговли, даже гораздо более серьезные. На мировом сахарном рынке конкурентами англичан, и серьезными, стали французы и частично испанцы – и те и другие на своих плантациях использовали исключительно дешевый рабский труд. А большая часть английского сахарного тростника все же выращивалась в Индии руками наемных рабочих, которым приходилось платить. Соответственно, себестоимость французского и испанского сахара была гораздо ниже. Единственный способ помешать этому без войны – пресечь поток новых рабов. За кулисами в который раз пряталась Старушка Экономика...

Свидетелей и прямых улики нет, но достаточно косвенных. С плантаторами и работорговцами, несомненно, провели «разъяснительную работу», доходчиво объяснив: если они начнут ужимки и прыжки, пойдут как против интересов всего бизнес-сообщества, так и государственных интересов, что весьма чревато. В том, что так и произошло, убеждают последующие события, точнее, полное отсутствие таковых. Совсем недавно плантаторы чуть ли не играючи справились с движением за отмену работорговли: одного из его видных лидеров запугали, другого примитивно купили, оба отошли от дел, и движение заглохло. Но на сей раз ни плантаторы, ни работорговцы даже не пытались что-либо предпринять – плантаторы сидели смирнехонько, а ливерпульцы, как по сигналу, переключились на помянутое сельское хозяйство. Испугались «прогрессивной общественности»? Не смешите мои тапочки...

Что касаясь петиции манчестерцев, нам предлагают поверить, что правительство всерьез испугалось одной петиции, подписанной всего 11 000 жителей одного-единственного города. Басенка для лохов! Из главы о чартистах читатель уже знает, как и десятилетиями спустя парламент цинично отвергал петиции, подписанные парой миллионов человек по всей Англии...

В 1833 г. британцы пошли дальше – отменили рабовладение в своей империи. Более того, их военные корабли стали патрулировать Атлантику, вылавливая суда работорговцев, что офицеры проделывали с большим энтузиазмом: им причиталась денежная премия за каждого освобожденного раба. К ним с превеликой неохотой примкнули французы и испанцы, которым буквально выкрутили руки...

Пример с обратным знаком: в Бразилии рабство преспокойно существовало до середины 80-х годов XIX столетия – без всяких воплей британцев о гуманизме и свободе. Поскольку до поры до времени нимало не затрагивало британских интересов. А вот потом затронуло, и чувствительно...

Одно время бразильцы держали мировую монополию по выращиванию гевеи – дерева, из сока которого получали каучук. Как всякие монополисты, прибыль получали баснословную

– и запретили вывоз семян гевеи под страхом повешения без суда и следствия (виселицы стояли в каждом порту и не пустовали, таможенники лютовали). Потом агент то ли британской разведки, то ли крупных дельцов (часто это были одни и те же люди) с немалым риском для жизни (но и денежная премия, надо полагать, была немаленькая) ухитрился все же вывезти в чучеле крокодила семена гевеи. То ли он притворялся занятым сбором коллекций зверюшек и бабочек зоологом, то ли и в самом деле им был – примеров, когда английские ученые работали на разведку, предостаточно.

Англичане стали успешно разводить гевею в тех своих колониях, где климат соответствовал бразильскому, – руками наемных рабочих. Вот тут уж дешевый рабский труд в Бразилии стал им всерьез мешать, бразильцы были основными конкурентами в торговле каучуком. Тут-то в Англии и начались вопли против рабства – и оно было в Бразилии отменено.

А вы говорите – гуманизм, петиции. Все грубее и циничнее – как говорится, ничего личного, только бизнес...

## Заклятые союзнички и Большая Игра

В 1809 г. состоялась первая англо-русская война, практически забытая, что неудивительно: применительно к ней слово «война» следует заключить в кавычки и непременно добавить эпитет «странная».

Причиной стал второй английский налет на Копенгаген в сентябре 1807 г. – разве что уже без Нельсона, погибшего в 1805 г. в Трафальгарском сражении с франко-испанской эскадрой. Ну, в Англии и без Нельсона хватало адмиралов, прекрасно изучивших и его опыт, и опыт елизаветинских «морских собак». Состояния войны между двумя странами и на этот раз не было, так что действия англичан вновь были откровенным пиратством. На сей раз бомбардировать датскую столицу они не стали, но примерно половину кораблей датского военного флота сожгли, а часть захватили и увели с собой.

Тут уж Александр не выдержал. Хитрейший лис, он не был ни «филом», ни «маном», ни «фобом» – никогда, кого бы то ни было и чего бы то ни было. За одним-единственным исключением: у царя была «одна, но пламенная страсть» – он буквально фанател от всей и всяческой мистики, ни в чем не уступая современным «контактерам», «уфологам» и прочим «мистикам мохнорылым», как выражался герой одного известного романа. И создал вокруг себя кружок горячих единомышленников во главе с небезызвестной баронессой Крюденер.

До этого, вплоть до рейда англичан на Копенгаген, Россия в течение всех шести первых лет царствования Александра активно участвовала вооруженной силой во всех антинаполеоновских коалициях, создаваемых Англией. Повторилась ситуация Семилетней войны – англичане выделяли России немаленькие субсидии, а русские солдаты все эти годы воевали за пределами России исключительно за английские интересы. Только убитыми Россия потеряла в этих кампаниях 90 000 человек...

Но теперь Александру волей-неволей пришлось объявить войну спонсорам – потому что этого от него требовали понятия той эпохи (можно писать это слово в кавычках, можно без них – суть не изменится ничуть). Русский императорский и датский королевский дома были связаны династическими браками – что по меркам той эпохи много значило. Получалось, что агрессия против Дании затрагивает и Россию. Вот и пришлось воевать.

Правда, война эта, как и было сказано, оказалась крайне странной. На море никаких боевых действий не велось. Англичане ограничились тем, что устраивали блокаду русских портов и захватывали русские торговые суда, что было задачей несложной, ни единого выстрела не звучало, ни одной капли крови не проливалось.

Единственный эпизод, который с большой натяжкой можно назвать морским боем, все же случился, когда английские фрегаты попытались захватить очередной караван из нескольких русских торговых судов. На сей раз караван шел в сопровождении военного конвоя – четырех канонерских лодок. Канонерская лодка – небольшое суденышко, вооруженное всего несколькими пушками. Однако русские моряки вступили в бой с превосходящим в силе и огневой мощи противником. Мне так и не удалось доискаться, чем этот бой кончился (забытая война, забытая!), но достоверно известно, что отчаянное сопротивление русских англичан не на шутку поразило (об этом потом писали английские историки Бретон и Джемс).

Сухопутных сражений тоже не было – в тогдашней Европе просто-напросто не нашлось места, где большие русская и английская армии могли бы сойтись в сражении – да обе стороны к таковым и не стремились. Десант где-нибудь под Петербургом англичане тоже высаживать не стали, справедливо опасаясь неизбежных в этом случае больших потерь. Единственный случай действий англичан на русской территории, в отличие от эпизода с канонерками, боем никак нельзя назвать даже в кавычках. Потому что не было никаких боев, даже ни единого выстрела не прозвучало. Произошедшее напоминало скорее скверный анекдот. Неболь-

шая английская эскадра вдруг объявилась в Баренцевом море, в местах малонаселенных, и прошла вдоль берега, разоряя становища русских поморов и «инородцев»-лопарей, известных сейчас как саами. Грабили под метелку – но чем там по большому счету можно было пожить? Потом эскадра добралась до Колы, крохотного городишки. Войск там не имелось никаких. Британцы высадили десант (понятно, не встретивший никакого сопротивления) и основательно разграбили городок, уведя несколько захваченных в порту кораблей поморов, нагрузив их водкой, солью и мукой – ничего более ценного в Коле не нашлось. Учитывая скуднейшую добычу, это было даже не пиратство, а мелкое воровство, наверняка заставившее бы покатываться от хохота «морских собак» Елизаветы или Генри Моргана – да вообще любого серьезного пирата.

В 1809 г. это вялотекущее не-пойми-что закончилось миром, и все вернулось на круги своя: в Россию вновь потекли английские субсидии, как выразились бы в старину, «на известное обоим употребление». Россия и Англия стали официальными союзниками в борьбе с Бонапартом.

Чутьочку переиначив известную поговорку, можно сказать: «Упаси меня господи от таких союзников, а с врагами я и сам как-нибудь справлюсь». В том же русле лежит приписываемое «железному канцлеру Бисмарку» изречение: «Плохо иметь англичан врагами, но еще хуже иметь их союзниками». Неизвестно точно, говорил ли это Бисмарк, но фразочка вполне в его стиле – «железный канцлер» был остер на язык и остроумных изречений оставил немало.

Кто бы это ни сказал, угодил в десятку – да и поговорка оправдалась полностью...

В 1811–1813 гг. Россия воевала с Персией, которая эту войну и начала. Поражений в ней русские не терпели, но в 1812 г. воевали, как бы это сказать, без огонька – в Россию вторгся Наполеон, и все силы были брошены на войну с ним, для «персидского фронта» ничего не оставалось. И тут выяснилось: персы потому и полезли драться с Российской империей, что золотом, оружием, боеприпасами и даже военными советниками их щедро снабдили... англичане. Официальные союзники России по антифранцузской коалиции. В то самое время, когда горела Москва. Действительно, с такими союзниками и врагов не надо.

Причины английского двуличия лежат на поверхности. Англия стремилась разгромить Наполеона – в значительной степени благодаря использованию русского «пушечного мяса». Но перед англичанами стояла и другая, не менее важная для них задача – не допустить и малейшего продвижения русских на юг, к Афганистану, который называли «ключом к Индии». Никак не будет преувеличением сказать, что после несостоявшегося русско-французского удара по Индии Великая Британия прямо-таки панически боялась за свою «жемчужину в короне» – и того, что русские смогут туда вторгнуться, и того, что Россия просто разожжет в Индии мятеж против англичан (о чем англичане писали совершенно открыто, ничего не скрывая).

Это был первый эпизод долгого, прямо-таки глобально-политического противостояния России и Англии в Персии, в Средней Азии и в малой степени – в Китае (конкретно – в Тибете). Англичане изо всех сил стремились не допустить русских в эти регионы, а русские, как легко догадаться, держались совершенно противоположного мнения – в первую очередь касательно Средней Азии. Борьба велась в основном силами дипломатов и разведчиков, но и военных советников обе стороны использовали активно. У историков это противостояние прямо-таки официально именуется Большая Игра. Затянулась она на сто с лишним лет, затухнув только в Первую мировую. Ее событиям XIX в. этой книге еще будет посвящено немало страниц...

Первый раунд из множества выиграла русские. В 1813 г. ситуация изменилась в их пользу – Наполеон был изгнан из России, и нашлись подкрепления русским войскам, дравшимся с персами. В этом году страшное поражение персам нанес отряд генерала Котляревского. Осматривая оставшееся за ними поле боя, русские обнаружили два интересных трупа: персы по одежде, но несомненные европейцы обличьем. Довольно быстро они были даже опознаны:

английские лейтенанты Линдсей и Кристи (должно быть, неплохо сработала русская разведка – вряд ли у англичан были при себе британские документы, в таких случаях никто документов с собой не берет). А среди трофеев Котляревского оказались и персидские пушки с клеймами английских оружейных заводов.

Император Александр шума поднимать и устраивать дипломатического скандала не стал – неудобным как-то показалось, все-таки союзники, приличную денежку заносят...

Вернемся на год назад, в 1812-й, когда в России действовал крайне интересный персонаж, о котором сами англичане давно стараются не вспоминать по некоторым существенным причинам...

Знакомьтесь: генерал-майор сэр Роберт Вильсон. Весь его военный опыт исчерпывается участием в подавлении ирландского восстания 1798 г., зато шпионская карьера... Пожалуй, я бы без малейших преувеличений назвал его «Джеймсом Бондом XIX в.» – ну, разве что, в отличие от Бонда, Вильсон никогда ни в кого не стрелял и не устраивал лихих гонок на каких бы то ни было транспортных средствах. Однако шпионская биография тянет на длинный приключенческий сериал: во времена Наполеоновских войн работал в Португалии, Испании, Египте, Турции, Южной Африке и даже далекой Бразилии, где много диких обезьян. Тонул при кораблекрушении, но спасся. В него стреляли из-за угла в Египте, но промахнулись. Пытались зарезать в Турции, но не получилось.

К штабу фельдмаршала Кутузова он был приставлен самым официальным образом в качестве «британского королевского комиссара при русской армии». В этом качестве имел право участвовать в заседаниях военного совета при фельдмаршале и даже выступать там. Получил от царя право писать лично ему «обо всем, заслуживающем внимания», что откровенно свелось к доносам на Кутузова. К нам Вильсона отправили как «специалиста по России»: он состоял в 1806–1807 гг. офицером-добровольцем при штабе генерала Беннигсена, действовавшего в Европе против Наполеона («добровольцем» его, несомненно, заставили стать служебные обязанности). Даже участвовал в стычках с французами, переодевшись в казачью форму, – трусом он никогда не был, а вот авантюристом был изрядным.

И сомнений был великого. По воспоминаниям современников, он совершенно искренне считал себя даже более одаренным, чем Кутузов, и частенько приговаривал:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.